

УДК 821.161.1–3

Червоненко С. М.

Московский государственный областной университет

**ПОВЕСТВОВАНИЕ О СМИРЕННОМ ЧЕЛОВЕКЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ МАЛЫХ ЖАНРОВ
(ПО РАССКАЗАМ СВЯЩЕННИКА ЯРОСЛАВА ШИПОВА)**

S. Chervonenko

Moscow State Regional University

**STORY OF A HUMBLE MAN IN PROSE OF MODERN SMALL GENRES
(ON THE STORIES OF PRIEST YAROSLAV SHIPOV)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию рассказов, раскрывающих проявление в реальной обстановке одной из христианских добродетелей – смирения. В качестве предмета исследования представлено несколько произведений священника Ярослава Шипова. Доказывается, что в отобранных для анализа рассказах проявились ведущие мотивы художественного творчества писателя. Комментируются авторские приёмы включения в сюжет предыстории персонажей, описания поступков и повседневного образа жизни, подчинённость всё элементов поэтики авторской задаче постижения глубоких нравственно-философских и религиозных вопросов.

Ключевые слова: авторская задача, персонаж, ракурс изображения, духовность, художественная деталь, план повествования, смирение, религиозные вопросы, молитва, покаяние, жертвенный поступок, нестяжательность.

Abstract. The article deals with the research of the short stories which reveal a one of the Christian virtues – humility – in lifelike surroundings. Several works of literature written by a priest Yaroslav Shipov are presented as a subject of the research. It is proved that leading motives of the writer's works show themselves in the selected short stories. The ways of the inclusion the prehistory of these motives into the plot as well as the descriptions of people's behaviour and their everyday life in the aforementioned short stories are commented on in the article. The author of the research depicts the dependence of all the elements of Shipov's poetic manner on the writer's goal to comprehend profound questions concerning morality, philosophy and religion.

Key-words: author's goal, character, angle of depiction, spirituality, detail, plan of narration, humility, religious problems, prayer, confession, repentance, generosity.

Многие писатели XIX и XX вв. обращались к теме смирения, осмысливая и воплощая её через художественно запечатленные образы своих героев, раскрывающиеся во многообразных жизненных ситуациях. В начале XXI века эта тема остаётся актуальной.

Идеал смирения – сам Господь, ибо Он прямо говорит: «и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф., 11, 29) [2, с. 48]. Познать эту «безымянную благодать души» [3, с. 212] можно только опытом, «никакое слово не может изъяснить его качество» [3, с. 211], – писал о смирении преподобный Иоанн Лествичник. Святые Отцы, однако, не имели в виду абсолютную невозможность поведать миру о конкретных проявлениях смирения. Не случайно с древних времён существует жанр жития, – по сути дела, повествование о пути земного человека к смирению, т. е. к служению Богу, святости.

Из всего многообразия современного литературного потока выделим произведения священника Ярослава Шипова, основанные на его жизненном и иерейском опыте. Рассматри-

© Червоненко С. М., 2012.

ваемая тема проходит через всё творчество писателя.

Проявление одной из наивысших добродетелей автор, а вслед за ним и читатель угадывает в персонажах – непримечательных на первый взгляд людях, в отдельных их поступках, а иногда в кратком упоминании о выработанных ими в течение многих лет правилах поведения. Даже частные детали в изображении окружающего человека быта нередко подводят читателей к важным для них, но как бы ими самими открытым за художественной ситуацией выводам.

Тихо проживает свою жизнь отец Севастьян (рассказ «Иеромонах Севастьян»). Смирение и нестяжательность этого монаха подчёркнуты автором уже в первом абзаце повествования, когда мы узнаем, что священник живёт на кладбище. Где, как не здесь, память о смерти, на которую так часто указывают Святые Отцы, напоминает о тленности всего мирского и необходимости смирения. Всегдашняя готовность о. Севастьяна прийти на помощь нуждающимся подчёркнута автором в начале рассказа: «Только поступался – зажётся свет, словно меня тут ждали» [7, с. 369]. В этом «тщедушном старичке с седой бородёнкой» [7, с. 369] воплотились главные заповеди, изречённые Спасителем.

Любовь старца к Господу и ближним прослеживается на протяжении всего повествования. Символично имя главного героя до пострига в монашество – Пётр – «камень». Писатель отмечает, что именно на таких смиренных служителях Господь зиждет Свою Церковь. Автором отмечается и военная служба в годы Великой Отечественной войны, и боевые награды отца Севастьяна, про которые по своему смирению он лишь упоминает. По той же причине речь старого монаха обрывается многоточием, когда он вспомнил о военных подвигах во время службы в зенитных войсках.

Сюжетообразующим стержнем является драматическая ситуация, о которой рассказывает отец Севастьян герою-повествователю. По своему смирению он не берется су-

дить о поступке матери, подбросившей свою новорожденную дочь в чужой дом. «Не открыто мне, не открыто...» [7, с. 372], – сокрушается батюшка. Но принимает чужое горе, что называется, близко к сердцу. Полагаясь во всём на волю Божию, он не отстраняется, а, наоборот, пытается активно помочь, поэтому, как мы узнаем в конце рассказа, собирается в Лавру. А если и там не помогут, «придётся ехать в Печоры...» [7, с. 373], – с твёрдостью заключил отец Севастьян.

Герой характеризуется описаниями некоторых проявлений его поведения и с помощью включения в текст рассказа его устной речи, благодаря которой раскрывается внутренняя духовная глубина.

Иной эмоциональный тон носит повествование о другом персонаже, каковым является сельский батюшка Михаил из рассказа «Три рыбы от святителя Николая». Автор раскрывает его образ через монолог-молитву, которая становится основой художественного текста. Писатель с мягкой улыбкой передаёт по-детски чистую и непосредственную просьбу отца Михаила об удачной ловле рыбы в канун праздника Троицы. Просит герой не для себя, а для других, повинувшись желанию порадовать соседей праздничным пирогом. О себе он упоминает только как о «недостойном иеромонахе» [7, с. 335], выдвигая вперёд все добродетели тех, за кого возносится прошение.

Одним из главных эстетических слагаемых произведения становится юмор, с помощью которого раскрывается незаурядная, детски непосредственная личность главного героя. Комическая ситуация заостряется, когда у батюшки появляется необходимость в третьей рыбке, помимо просимых ранее и уже полученных двух – по промыслу отозвавшегося на молитву святителя Мирликийского Николая, покровителя путешественников, охотников, рыбаков и земледельцев.

Здесь следует обратить внимание на эмоциональную окраску словосочетаний, используемых автором при передаче переживаемого героем «полного смятения» [7, с. 336] и

«срама» [7, с. 336] от сознания собственной дерзости. Батюшка Михаил возвращается к реке «в стенаниях» [7, с. 336], его охватывает «чувство обжигающего стыда» [7, с. 336], свидетельствующих об искреннем раскаянии. Он повторяет только одно: «Господи, аще можешь, прости!» [7, с. 336]. Просит-то он рыбку для соседки, которая ведёт себя не по-христиански – «распускает про него всякие слухи» [7, с. 336], «не даёт пользоваться своим колодцем» [7, с. 337]. Но даже и для неё он находит оправдание, напомнив о репрессированном отце-священнике, «сколько она с малых лет претерпела» [7, с. 337] за него. Здесь одной из характеристик героя становится его по-детски простая речь, за которой явно прочитываются евангельские заповеди, и одна из главных: «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф., 22, 38), [2, с. 102].

Продолжая обзор произведений на выбранную нами тему, нельзя пройти мимо рассказа «Уездный чудотворец». Автор не ставит своей задачей создание всеобъемлющей характеристики своего героя. В поведении центрального персонажа, начинавшего свой путь целителя во время русско-японской войны, выделено главное. Всю свою жизнь Иван Фомич воспринимает «до невероятности однозначно – как служение» [7, с. 406]. Это служение приравнивается к пастырскому, не случайно священник называет его «отче». С детства воспитанный в «сильной церковной строгости» [7, с. 405], он чётко представляет свой человеческий долг на земле и со смирением его выполняет, «нисколько не ропща на неудобства, неизбежно сопутствующие подобному отношению к цели своего бытия» [7, с. 406].

Лейтмотивом проходит одна из главных евангельских заповедей – о любви к ближнему. Поэтому «легко проникающийся чужой виной и бедой», он «в любое время, в любую погоду, <...> не поворчав и не вздохнув даже, смиренно отправлялся к больному» [7, с. 406]. Уточняя нравственные принципы самоотверженного героя, автор упоминает, что «Иван Фомич сроду ничего не копил, да и до-

машним не позволял. Он говорил так: если у тебя копится, значит, у кого-то недостает» [7, с. 407], «даже пустячной прибыли не сносил» [7, с. 409]. Несмотря на многочисленность своего семейства, а у него шестеро детей, денег Иван Фомич не брал, существуя только на фельдшерское жалование, «ну и, само собой, огород выручал» [7, с. 406].

Перед нами образ смиренного врача безсребренника, врачующего не только тела, но и души людей. Главное чудо, на котором концентрирует внимание читателя автор, – это спасение от чахотки кучера местного барина. Почему болезнь «отступила» [7, с. 412], остаётся загадкой для всех. По своему смирению и сам Иван Фомич недоумевает: «почему?» [7, с. 412]. Ведь лекарств у него не было, все лечение составляли молитва и разговоры. Этот эпизод позволяет провести параллель с рассказами о Ярослава «Сила немощи» и «Три рыбы от святителя Николая». По молитвам Ивана Фомича и благодаря его сочувственному вниманию к страдавшему тяжким недугом больному тот получил удивившее всех исцеление. Здесь автор затрагивает сложные вопросы воспитания, присущего исконной русской традиции, уходящей корнями в историю православной этики: такая вера и готовность к «пожизненному служению милосердию» [7, с. 407] могли быть выпестованы только «катехизисом и молитвой» [7, с. 407].

Вся жизнь главного героя является ярким образцом христианского служения, что подчеркнуто тезоименитством имени и отчества героя (с апостольскими Иоанн и Фома).

В названных рассказах изображены уже сложившиеся характеры.

Динамику внутренней жизни главного героя, постепенное обретение им мира с Богом раскрывает автор в рассказе «Пеликан». Используя малую жанровую форму повествования, писатель не углубляется в тонкую психологическую разработку душевного и духовного состояния Николая Николаевича, кратко очерчивая лишь внешние обстоятельства. В одном абзаце обрисована вся

жизнь героя, поначалу не предвещавшая «его переход на путь строгой аскезы» [7, с. 610]. Но тихий разлад в семейной жизни приводит к тому, что остров для него становится «землёй сокровенной, где вершилось его уединение» [7, с. 611]. Такой отдых, однако, постепенно привёл «пустынника» к осознанию оторванности от главного течения жизни, одиночество оборачивается неминуемой тоской и скорбной мукой.

Своеобразным эмоциональным центром рассказа являются рассуждения героя по поводу черствости сына и снохи, выселивших отца из комнаты в собственном доме: «Что воспитал, то и получил» [7, с. 615], – махнув рукой, рассудил Николай Николаевич. Этот жест выражает уже не обиду и отчаяние, но мудрое принятие сложившегося положения вещей. Через внешнее примирение с вынужденными обстоятельствами герой приближается к духовному преодолению собственного несовершенства.

В соответствии с житийной традицией автор вводит в повествование четвероногих друзей, что призвано подчеркнуть особенную доброту героя. Даже и животные чувствуют его абсолютное беззлобие.

Стоит более подробно остановиться на образе пеликана, в котором, думается, сконцентрирован некий содержательный концепт. Жизнь поселенцев острова существенно меняется с появлением пеликана. Именно эта «грандиозная птица» [7, с. 612] учит человека с терпением и благодарностью переносить скорби и лишения. Автор сравнивает это «нескладное на вид существо» с внешне великолепными, «романтизированными» [7, с. 614], а «на самом деле драчливыми и довольно жестокими» [7, с. 614] лебедями. Вводя как бы нечаянно это сравнение, писатель переключает внимание читателя в новый регистр, задавая ход мысли философско-нравоучительный: так часто мы обманываемся внешней красотой, не замечая внутренней, гоняемся за изящной оболочкой, скрывающей неприглядное наполнение, теряем истинные ценностные ориентиры.

Герой пытался разгадать значение пеликана в своей жизни («мы – земные, а он – другой» [7, с. 619]), верил в его «благородство» и ждал, что верный дружбе пернатый друг прилетит попрощаться. Ставя себя ниже птицы, Николай Николаевич избавляется от присущего человеку гордого осознания себя «царём природы», делает шаг к настоящему смирению. Очень трогательна сцена прощания человека и раскинувшего крылья белого пеликана. Герой-человек предстаёт маленьким и беззащитным ребёнком на фоне огромного существа, бесшумно слетевшего с неба на остров. «Я знал! Я верил!» – говорил человек, опускаясь на колени, чтобы обнять птицу. Пеликан положил голову на плечо, клюв – на спину и, похоже, пытался прижать человека к себе» [7, с. 618]. Теперь для Николая Николаевича пеликан – брат, у которого он смиренно просит прощения.

Добровольный островитянин «совершеннейшим образом» [7, с. 619] осознал своё одиночество на земле, но это теперь не наводит на него тоску. Наоборот, его жизнь становится «уравновешенной и почти бесстрастной» [7, с. 619]. Именно в таком порядке ставит слова автор, так как в душе, а потом и в жизни персонажа сначала упорядочиваются отношения с миром, а потом достигается и высокое бесстрастие. Но и тут писатель не идеализирует своего героя, понимая, что полного бесстрастия могли достигать только святые, а Николай Николаевич приходит пока только к внутреннему умиротворению – «первому и основному, в чём начинает действовать пробудившееся смирение» [5, с. 217], которое заставляет его душу «проситься домой» [7, с. 619], в «свои небесные обители» [7, с. 619].

Создавая особенный художественный мир, привлекая разнообразные изобразительные средства и приёмы, писатель посвоему осмысливает и заостряет внимание читателя на ценности смирения и даёт почувствовать в живых характерах «сию царицу добродетелей» [3, с. 213]. Его герои, как правило, сложны, их побуждения не исчерпыва-

ются смирением. Но духовное зрение отца Ярослава делает их поведение и поступки поучительными для читателя. Детализация художественного пространства становится «не просто интересна, важна, желательна, – она неизбежна; <...> это не украшение, а суть образа» [1, с. 302], а «слог рассматривается как выражение художественного мировоззрения автора» [4, с. 42].

Используемые писателем композиционные приёмы «служат расстановке нужных <...> акцентов и, определённым образом, направленно подают читателю воссоздаваемую предметность» [6, с. 262]. Авторская зоркая наблюдательность ведёт к раскрытию целой галереи человеческих характеров, их соотношений и перекличек. О. Ярослав Шипов как художник не может остаться в жёстких рамках дидактического жанра проповеди, он часто глубокие богословские вопросы помещает как бы за границами повествования, доверяя читателю, который сам разгадает глубокий смысл запечатлённых сцен и эпизодов. Нравоучительность содержания ма-

стерски скрыта за своеобразием индивидуального стиля, речевыми характеристиками, юмором, пейзажными зарисовками. Все эти черты органически объединились в жанровой внутренней цельности рассказов, в которых проявилась духовная зрелость автора, творческая неповторимость писательского таланта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Введение в литературоведение. / Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Академия, 2011. – С. 720.
2. Евангелие. – М.: Отчий дом, 2006. – С. 480.
3. Иоанн Лествичник. Лествица. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. – С. 496.
4. Моторин А.В. Духовные противоречия Гоголя. В. Новгород.: НовГУ имени Ярослава мудрого, 1999. – С. 116.
5. Свешников Владислав, протоиерей. Очерки христианской этики. – М.: Лепта книга, 2010. – С. 784.
6. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – С. 340.
7. Шипов Ярослав, священник. Первая молитва. – М.: Сретенский монастырь, 2010. – С. 624.